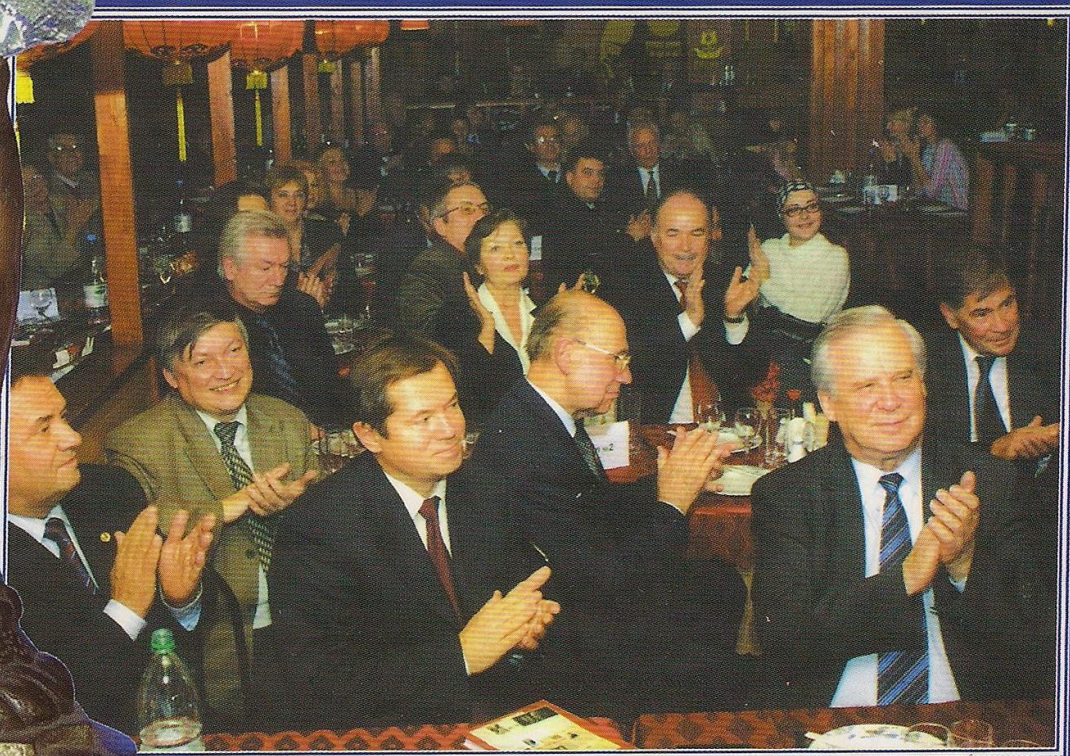

Алмазные грани «Хрустальной розы»

Г.В. Новожилов:

– Уважаемые дамы и господа, дорогие члены Клуба! Мне выпала высокая честь вручить премию Виктора Сергеевича Розова – выдающегося драматурга, о котором сказано сегодня столь много добрых слов. Я считаю, что все его пьесы, все его творчество, вся его жизнь были посвящены одной цели: воспитанию порядочности в человеке.

Мне предстоит вручить премию исполнителю русских романсов. Русский романс – это удивительное произведение. Облетев достаточное количество стран, я могу утверждать, что таких произведений в мире нет. Мне думается, что русский романс состоит из трех составляющих. Это музыка, текст и душа исполнителя. Только правильное сочетание этих трех качеств может должным образом, я бы сказал удивительным образом, влиять на слушателей. Поэтому если романс исполняется без души, это – простая песня.

Я считаю, что своим истинно душевным исполнением русских романсов наш лауреат заслужил по праву получение этой высокой награды, и мне доставляет большое удовольствие ему эту премию вручить.

Хотелось бы пожелать нашему лауреату дальнейших творческих успехов, доброго здоровья, счастья, и, как говорят у нас в авиации, пусть ему сопутствует во всех делах только удача!

О.Е. Погудин:

– Я очень коротко... Благодарю всех! Для меня вручение этой премии явилось серьезной неожиданностью. Не буду повторяться в высоких, хороших, серьезных словах, хотя я – по образованию драматический актер, не понаслышке знаком с творчеством Виктора Розова. Тем

более что по окончанию церемонии мне, в качестве певца, дадут слово на этой сцене.

Теперь же я просто хочу поблагодарить организаторов конкурса и пожелать всем здесь присутствующим сохранить в действительно нелегкой нашей реальности уверенность, что достоинство, правда, искусство, искренность все равно остаются синонимами счастья всякого человека, тем более – артиста, что бы ни происходило в его жизни. Спасибо огромное!

М.:

Г.В. Новожилов приветствует лауреата премии О.Е. Погудина...

...и награждает его символом премии

Олег Евгеньевич Погудин

Наталья Корконосенко

313

Хранитель русского романса

Сегодня, среди разлитого моря попсы, засоряющей наши уши, так дорог промельк чего-то истинного, глубокого, по-исполнительски свежего. Концерты Олега Погудина оставляют уверенность: жанр русского романса живет, развивается и побеждает глухое песенное бездорожье последних десятилетий.

Давно со сцены не веяло таким озоном: все великолепие доброго старого и современного русского романса было богато интерпретировано “серебряным голосом России”. Этим титулом 35-летний Олег Погудин удостоен за первое десятилетие своей творческой деятельности. Официальных званий нет, но каждому мало-мальски сведущему зрителю и слушателю понятно: пока нет. Собственно, любая из поднятых им глыб – “Русский романс”, “Романс XIX века”, “Песни Великой Отечественной войны”, цикл романсов Александра Вертинского, зарубежный шансон и прочее – “тянут” на отдельные премии и лауреатские звания. Но Погудин, похоже, не преследует никаких амбициозных целей и пока просто “купается” в репертуаре. В связи с чем вспоминаются строчки из Самойлова: “Шуберт Франц не сочиняет /Как поется – так поет...”.

И все же давно заслуженное признание пришло к нему в году 2004-м. Пришло в виде лауреатского звания в Третьем Всероссийском конкурсе “Хрустальная роза Виктора Розова”. Премия имени великого русского драматурга еще молода, но уже авторитетна и престижна. И, самое главное,

присуждается она лишь за высокохудожественные, истинно нравственные произведения и исполнительские программы... Первая серьезная премия в творческой жизни молодого певца... Как говорится, лиха беда – начало!...

Гитара, скрипка, виолончель, две домры под русские песни и великолепный по тембру гибкий голос ведут вас за собой. Однако за внешней легкостью и спонтанным существованием в луче софитов (программа никогда не сбивается – жестко, заранее, задается только общая тема) на самом деле – годы поисков себя, своей сценической ниши, своих жанра и манеры. Не всем известно, что по образованию Олег Погудин – драматический актер, и после окончания ЛГИТМиКа (Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии) в 1990 г. попал по распределению не куда-нибудь, а в Академический Большой драматический театр на Фонтанке. Три года, проведенных им в БДТ, дали, в конце концов, совершенно неожиданный результат: Погудин “показался” публике в Капелле и Театре эстрады в качестве исполнителя романсов и... решил стать певцом.

– Насколько болезненным был этот перелом?

– Знаете, в моем случае все просто встало на свое место. Я сын двух инженеров из закрытой сферы, отец – военный, то и дело менял адреса службы, мы с мамой мотались по стране вместе с ним. Я менял школы, друзей, увлечения, привязанные к определенным параллелям и меридианам... Единственной внутрисемейной константой была любовь к хорошей русской песне, романсу. Дом там, где рядом друзья и где за столом звучит что-то родное, душевное, с детства любимое, вроде “Одинокой гармонии”. В третьем классе я впервые четко сформулировал свою жизненную программу, написал в сочинении: “Хочу быть певцом...”. И был предан остракизму: классная руководительница сказала, что в то время как все хорошие дети мечтают стать сталеварами, строителями и космонавтами, Погудин думает о карьере любимца публики...

– Вы не послушались классной дамы, и пошли-таки учиться на артиста?

– В театральном институте я попал чисто случайно, по случайному совету. Хотя учился с увлечением у блестящих педагогов: Александра Николаевича Куницына и Галины Андреевны Барышевой. Окончил курс в 20 лет и сразу попал в БДТ, этот переход я воспринял как продолжение периода обучения. Ничего серьезного, фундаментального, первых или даже вторых ролей мне никто не поручал, да я и не переживал по этому поводу. Просто дышал воздухом театра, созданного гением Товстоногова. Ходил по тем же коридорам, глотал запах тех же кулис, что и Олег Борисов, Евгений Лебедев, Олег Басилашвили. Какое-то время этого было достаточно. Достаточно для того, чтобы получить представление о профессии, о работе, если хотите, об искусстве. А ведь в нашем ремесле все решает высота планки, я в этом убежден. Именно в БДТ я понял, что никогда не стану Олегом Борисовым или Кириллом Лавровым, у меня не хватает для этого необходимых степеней свободы, таланта, проще говоря. А вот когда я пою романс, я укрепощен вполне, и музыкально, и драматически.

– Что еще – или кто еще – помогли вам правильно выбрать свой жанр?

– Прежде всего, сам романс, его неисчерпаемые возможности. По сути, это неразвернутая драма, которую надо максимально полноценно прожить

на сцене. У каждого романса угадывается своя предыстория и свое будущее, но не отчетливо, а скорее “сквозь магический кристалл”. Если не “рвать страсть в клочья”, работать без эмоционального пережима, на передаче внутреннего состояния, тогда и возникает эта божественная проекция в прошлое и будущее. Романс – жанр фантастически счастливый, он неисчерпаем. Он вечен. Во все времена он стремится передать жизнь души человеческой, для этого нужны тончайшие средства выражения.

Я сделал выбор в пользу романса еще и потому, что именно в этом жанре работали такие корифеи, как Шаляпин, Вяльцева, Козловский, Лемешев (мальчиком я знал наизусть все его оперные арии). Позже – Агафонов, Окуджава, Дольский, Камбурова, Смольянинова. Открытие новейших лет – Алла Боянова, вернувшаяся в Россию из эмиграции. Для меня каждый из них – эпоха. Каждый – событие не только в исполнительском жанре, но и гораздо шире. Взять хотя бы Елену Антоновну Камбурову, если бы не она, неизвестно еще, как бы мы пережили натиск агрессивной массовой культуры. Певица вот уже больше трех десятков лет ездит по стране с концертами, в которых звучат песни и романсы на стихи Цветаевой, Пастернака, Окуджавы. Елена Камбурова – последняя цитадель песни и прекрасного русского языка, который в последние годы почему-то все пытаются “улучшить” – обкорнать, спрямить, дополнить американизмами, словом, реформировать. “Нас мало, нас, может быть, четверо...” – тех, кто со сцены старается убедить слушателей, как выразителен и самодостаточен родной наш язык.

– Вы так яростно защищаете русский язык, потому что вы – актер и работаете со словом?

– Прежде всего, я читатель, и защищаю культурную среду, которая меня сформировала, как личность. Понимаете, ребенку еще пятый годик, а он уже повторяет вслед за мамой: “Ветер по морю гуляет / И кораблик подгоняет; / Он бежит себе в волнах / На раздутых парусах”. Малыш, сам того не осознавая, упивается музыкой пушкинского стиха. И вот вы мне можете объяснить, на кой нам нужно реформировать язык Пушкина, Гоголя, Достоевского?... Да, я отношу себя к числу яростных противников такого рода реформ. Не знаю, за что еще, кроме родного языка, сегодня можно держаться. За веру? Но верят не все. А с литературой, с родным языком, так или иначе, соприкасается каждый. Кстати, мне очень нравится, что наш президент говорит на хорошем русском языке. Так давайте же беречь родную речь, как самое дорогое с точки зрения национального самосознания.

– Вы не находите, что нация сейчас самообразовывается не столько по книгам, сколько по телевидению?

– Увы, это так. Ну, тогда нужно телеэфир использовать для более активной защиты духовной среды обитания. Я, скажем, мечтал на РТР сделать 10 фильмов с записями своих программ. Увы, редакции не удалось финансово обеспечить этот проект. В то время как телевизионная мафия беспрепятственно занимает каналы и в средствах нужды не испытывает. Мне, кстати, не раз приходилось отказываться от выгодных предложений с ее стороны. Никогда об этом не жалею. Для меня дороже моя репутация и отношение ко мне моих зрителей. Очень люблю провинциальную ее составляющую. Жду, не дождусь скорых гастролей, у меня 10 “сольников” по всей

России. Люблю петь за границей для русскоговорящей публики, ее ностальгия, тоска по родному слову – благодатная почва для исполнителя романсов. Люблю большие и малые залы Петербурга, родные стены всегда помогают, да и зритель у нас уникальный – самый тонкий, воспитанный, что называется, на лучших образцах.

– Олег, известно, что вы предпочитаете “интеллигентные”, сравнительно небольшие – Ленинградский концертный зал, Театр эстрады, но нередко даете концерты и в Октябрьском концертном зале, где давно “прописались” Киркоров, Леонтьев, Пугачева. Что вы испытываете, выходя на подмостки перед многотысячной аудиторией?

– Я иной раз тоскую по малым площадкам. Но не могу и без больших. Это потрясающее ощущение – ощущение огромного зала, вошедшего с тобой, по твоей воле, в эмоциональный резонанс. Тысячи людей дышат в эти минуты в заданной тобой частоте. Это волшебство, счастье для артиста. Сравнить не с чем – такой происходит мощный энергетический обмен на самом тонком душевном уровне. Минуты эти стоят многих часов самой безжалостной “школы”, изнурительных репетиций. Собственно, за этим выходят на сцену те, кому есть, что сказать людям. Слава Богу, мной еще не все отдано самой моей любимой ленинградской, петербургской публике – именно она подарила мне счастье полной слитности с огромным залом, с которым ощущаешь себя единым целым. И большое ей за это спасибо.

– Есть также сложившееся представление о Петербурге, как о центре городского романа. Так ли это?

316 – Почему только городского? Ничто не мешало петербуржцам XIX в. с трепетом воспринимать тургеневские строки “Утра туманного...” и передавать его, как великую эстафету, последующим поколениям. Вообще Петербург – место особое, где во многом сформировалось понятие “вселенской отзывчивости русской души”. Город строили лучшие европейские архитекторы петровского времени, это была столица веротерпимости (только на Невском представлено пять церквей разных конфессий!). Вне всякого сомнения, наш город – крупнейший перекресток культур. Однако помимо сильного европейского влияния, душа у Петербурга – неповторимая и исключительно русская. Она и плачет, и радуется по-своему. Она формировалась под влиянием великой русской литературы и столь же великой русской музыки.

– Как вплетается тема романа в это утверждение?

– Трудно найти в России другой такой город, каждая улица, набережная которого ни отзывалась бы в душе темой знакомого романа: вот особняк Долли Фикельмон окнами на Петропавловку, вызывающий в душе звучание целого букета пушкинской лирики – “Средь шумного бала, случайно...”. Вслед за Пушкиным в Петербурге Алексей Константинович Толстой отыщет тему своего блестящего послания следующим поколениям приверженцев этого жанра. Потом на романс будут переложены Петербург Ахматовой, Свиридова, Баснера. Вот почему мне так нравится декларация Балачина: “Моя национальность – петербуржец”.

– Говорят, сегодня вас нередко можно застать в аудиториях и репетиционных залах театральной академии. Что вас так сильно тянет в альма-матер?

– Два года я работал вместе с курсом моего педагога Галины Андреевны Барышевой над спектаклем “Голоса ушедшего века”. Я занимался музыкальной драматургией этой работы отнюдь не студенческого уровня. Не могу назвать себя постановщиком, но педагогом – пожалуй, да. С легкой руки Галины Андреевны я постепенно приобщаюсь к сложнейшей и не во всем понятной для меня сфере – подготовке артистических кадров. Тут я до сих пор считаю себя профаном: ну непонятно мне, по каким критериям отбирается, на мой взгляд, совершенно “сырой” материал, а через четыре года на сцену выходит полноценная Элиза Дулиттл или Настасья Филипповна?! Сначала я наотрез отказался ассистировать в аудиториях. Но Барышева просто попросила меня помочь – ушел из жизни ее муж, соратник, потрясающий педагог Александр Николаевич Куницын, и у всех нас надолго возникло ощущение невосполнимой пустоты. Надо было набирать новый курс, осматривать (не люблю говорить модное “проводить кастинг”) абитуриентов, и Галина Андреевна мне позвонила. Она точно знала, что я не смогу ей отказать. И теперь я понемногу приобщаюсь к таинству превращения обычных современных мальчиков и девочек в актеров и актрис.

– Это правда, что Валерий Гаврилин однажды написал после вашего с ним общения: “Слушал Олега и плакал...”

– Да, но в то время я еще ничем не заслужил таких слов. Сейчас они широко растиражированы на моих программках, мне это не очень нравится, но силы своей высказывание Валерия Александровича (ныне ушедшего) для меня не утратило. Это благословение, оно ведет меня по жизни.

– Спасибо, Олег, за беседу. В завершение ее позвольте задать несколько коротких вопросов, которые вкуче составят своеобразную мини-анкету альманаха “Алмазные грани “Хрустальной розы”...

1. Чем гордитесь?

– Я очень трудный человек, и радуюсь, что понятие “гордость” – не совсем моя категория. Такого слова нет в моем лексиконе.

2. Чего стыдитесь?

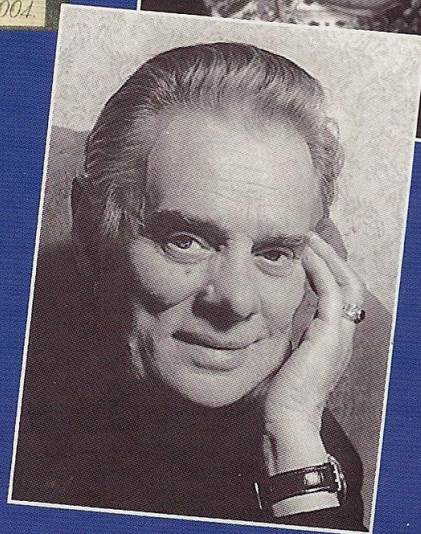
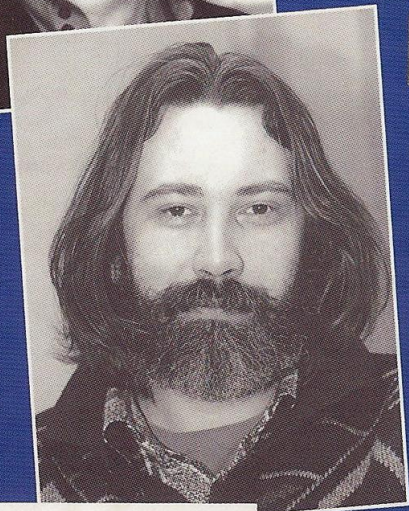
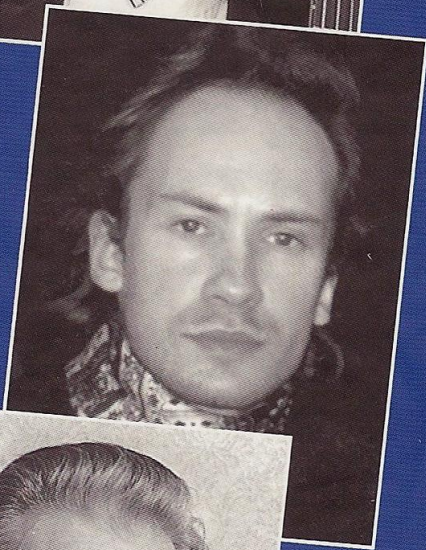
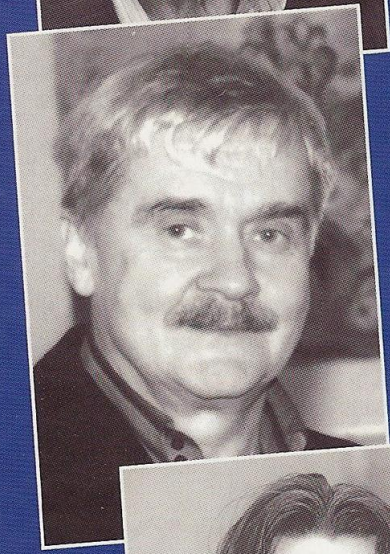
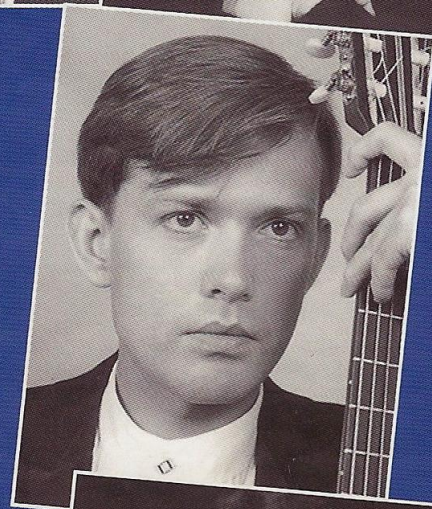
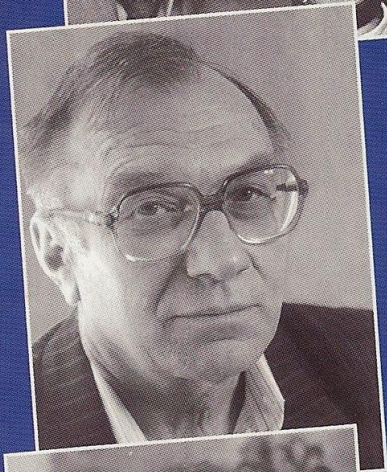
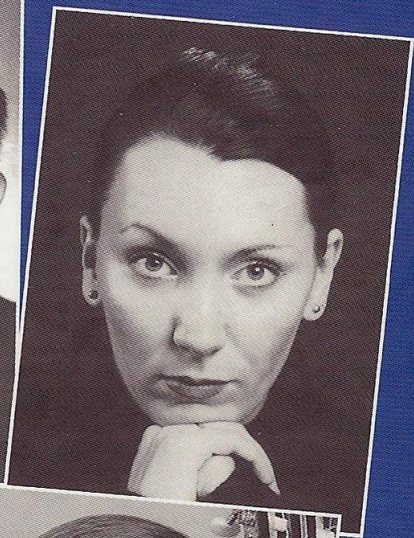
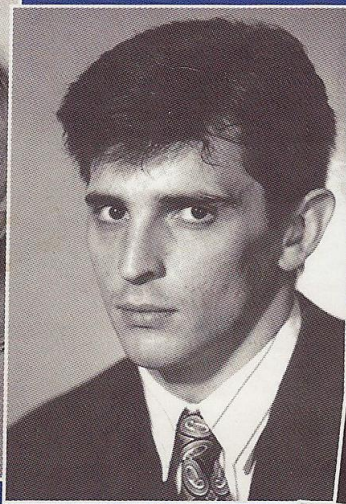
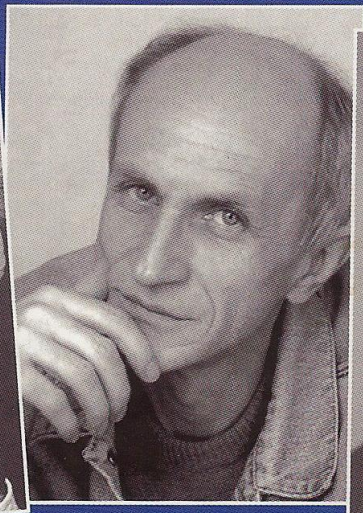
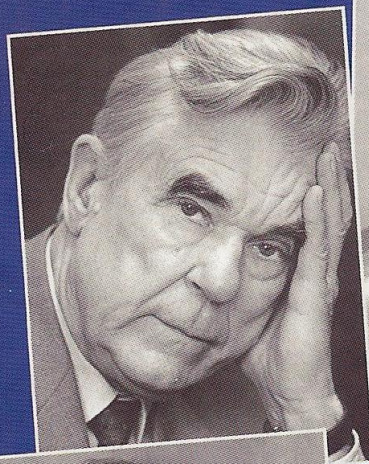
– Многого. Даже затрудняюсь ответить. Список велик.

3. Чего не можете простить?

– Ну, это относится скорее к душе, совести каждого. Хотел бы простить все и всем. Знаете, как у поэта: “Все понять – и все простить... Но подняться до такого – как у Бога погостить и домой вернуться снова”. Я еще на полпути к прощению как внутреннему освобождению.

4. Чем дорожите?

– Любовью. В самом широком смысле слова.

ISBN 5-02-033920-2

9 785020 339200

НАУКА